Мюриель Барбери
ЖИЗНЬ ЭЛЬФОВ

Annotation

Героини нового романа Мюриель Барбери «Жизнь эльфов» — две девочки Клара и Мария, это две невероятные судьбы, которых коснулось волшебство. Одна живет в Испании, в селении, затерянном в горах Абруцци, другая — в бургундской деревушке. Обе загадочным образом связаны с миром эльфов. Одна — талантливая пианистка, способная благодаря музыке проникать в незримое, другая наделена особым даром ощущать тайны природы, читать ее знаки, чуять присутствие невидимых созданий. Девочки узнают о страшной угрозе, нависшей над миром людей. Клара и Мария, никогда не встречавшиеся друг с другом, устанавливают между собой связь и, объединив усилия, вступают в битву, от исхода которой зависит и жизнь близких им людей, и само существование человечества.

От автора «Элегантности ежика»! Новый долгожданный роман великолепной Мюриель Барбери «Жизнь эльфов» впервые на русском!

Мюриель Барбери
Жизнь эльфов

Muriel Barbery
LA VIE DES ELFES
Copyright © Éditions GALLIMARD, Paris, 2015

© А. Беляк, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Себастьяну

Посвящается Арти, Елене, Мигелю, Пьеру и Симоне

Персонажи

Бургундия

Ферма «У оврага»
Мария Фор
Андре Фор, ее отец, крестьянин
Роза Фор, ее мать
Евгения и Анжела, двоюродные бабушки со стороны Андре
Жанетта и Мария, троюродные бабушки со стороны Розы

Ферма Марсело
Эжен Марсело, крестьянин
Лоретта Марсело, его жена

Селение
Отец Франциск, кюре
Жанно, почтальон
Поль-Анри по прозвищу **Риполь**, кузнец
Леон Сора-старший, крестьянин
Леон и Гастон-Валери, его сыновья
Анри Фор, по прозвищу **Рири**, лесничий
Жюль Леко по прозвищу **Жюло**, староста селения и старший путевой обходчик
Жорж Эшар по прозвищу **Шашар**, шорник и седельщик

Абруцци

Приходский дом
Клара Ченти
Падре Ченти, ее приемный отец, священник из Санто-Стефано
Алессандро Ченти, младший брат священника и друг Пьетро Вольпе
Старуха-прислужница

Деревня
Паоло по прозвищу **Паолино**, пастух

Рим

Вилла Аччиавати
Густаво Аччиавати, Маэстро

Леонора Аччиавати, его супруга, в девичестве Вольпе
Петрус, необычный слуга

Вилла Вольпе
Пьетро Вольпе, негоциант, торговец произведениями искусства, шурин Густаво Аччиавати
Роберто, его отец (к моменту действия — покойный)
Альба, его мать
Леонора, его сестра

Вилла Клементе
Семейство Клементе, богатые римские патриции
Марта, их старшая дочь (покойная), великая любовь Алессандро
Тереза, младшая дочь (покойная), виртуозная пианистка

Римский Капитолий
Рафаэле Сантанджело, Губернатор, Правитель Рима

Мир Туманов

Глава совета Туманов (в облике серого коня/зайца)
Страж Храма Туманов (в облике белого коня/вепря)
Маркус и Паулус, друзья Густаво Аччиавати и Петруса
Элий, вождь неприятелей

Рождения

Малютка из Испанских земель

В свободное время девочка чаще всего сидела среди ветвей. Когда не знали, где она, шли к деревьям. Сначала к большому вязу, что нависал над северной пристройкой и где она любила мечтать, следя за жизнью фермы, потом к старой липе, которая росла в саду кюре возле низкой прохладной каменной ограды, и наконец — чаще всего зимой — к дубам у западного оврага ближнего поля, где на взгорке высились три таких исполина, краше которых во всем крае не найдешь. Малышка просиживала на деревьях все время, которое могла урвать от деревенской жизни, состоявшей из учебы, еды и походов в церковь. Порой она брала с собой каких-нибудь друзей, и те дивились устроенным ею навесным мосткам и проводили там славные денечки, болтая и смеясь.

Как-то вечером она сидела на нижней ветви среднего дуба. Овраг уже наполнялся тьмой, и она знала, что сейчас за ней придут, чтобы увести в тепло дома, поэтому решила, что лучше срезать напрямик через луг и заодно проведать соседских барашков, и пустилась в путь сквозь густеющий туман. Между контрфорсами отцовской фермы и границей владений Марсело она знала каждую кочку и могла бы закрыть глаза и, как по звездам, ориентироваться по колдобинам полей, зарослям тростника у ручья, камням на дороге и отлогим склонам холмов. Но по какой-то совершенно особой причине она широко раскрыла глаза. Совсем рядом с ней, в тумане, шел кто-то, от чьего присутствия странно сжималось сердце и в воображении рождались удивительные картины. Ей привиделся белый конь в отливающей золотом роще и блестевшая под высокими кронами деревьев дорога, вымощенная черными камнями.

Надо бы рассказать, что это был за ребенок — тем более, что случилось такое примечательное событие. Все шестеро взрослых обитателей фермы — отец, мать, две престарелые тетушки и две бабушкины кузины — обожали ее. Ее отличало очарование, не похожее на прелесть детей, чье раннее детство было безоблачным, на ту прелесть, что рождена из доброго замеса неведения и счастья. Нет, это скорее напоминало радужное сияние, которое становилось заметно, стоило ей пошевелиться. Жившие среди пастбищ и лесов соседи сравнивали это сияние с колыханием густых крон. Самая старшая из тетушек, имевшая чрезмерную склонность к необъяснимому, полагала, что в малышке есть что-то сверхъестественное. Впрочем, все сходились на том, что для такого маленького ребенка двигается она странно, словно увлекая за собой невидимый трепещущий воздух, как стрекозы или вербы на ветру. А в остальном — девочка как девочка: темноволосая и очень подвижная, худенькая, но грациозная; глаза как два сверкающих обсидиана, кожа матовая, почти смуглая, на высоких, чуть славянских скулах играет румянец; и наконец, ярко-алые губы изумительной формы. Загляденье. А что за характер! Все бы ей бегать по полям, падать в траву и лежать там, глядя в огромное небо, или шлепать по ручьям босиком, даже зимой, когда вода холодит или кусается. А потом с важностью епископа повествовать всем о важных и ничтожных событиях своих вольных дней. И при этом легкая грусть, какая бывает у тех, чей разум превосходит восприятие и кто по каким-то приметам, присутствующим повсюду, даже в таких укромных, хоть и весьма бедных местах, где она выросла, уже предчувствует человеческие трагедии. И вот эта-то юница, пылкая и скрытная, ощутила рядом с собой в

предвечернем тумане присутствие кого-то невидимого, про кого знала — тверже, чем от кюре про Бога сущего, что этот кто-то одновременно дружелюбный и сверхъестественный. Так что, вместо того чтобы испугаться, она шагнула к нему, направляясь по намеченному пути, к барашкам.

Что-то или кто-то взял ее за руку. Как будто широкая лапища, обвитая чем-то мягким и теплым. Ее рука словно бы потонула в этом нежном обхвате. Но ни один человек не мог с такой силой сжать ладонь, все впадины и выпуклости которой она ощущала сквозь шелковистый покров как лапу гигантского вепря. Тут они почти под прямым углом свернули влево, и девочка поняла, что, обходя барашков и ферму Марсело, они направляются к рощице. Там была заросшая чудной плотной и влажной травой пустошь. Она отлого поднималась к изрезанному тропками холму и вливалась в прекрасную тополиную рощу с морем земляники и ковром из барвинков. Еще недавно каждое семейство имело там свою вырубку и с первым выпавшим снегом запасалось дровами. Увы, прошло то время, но сегодня мы о нем говорить не будем, чтобы не огорчаться или по забывчивости. А также потому, что в этот час малышка бежит навстречу судьбе, крепко сжимая лапу гигантского вепря. Тот вечер пришелся на осень, мягче которой давно не бывало. Яблоки и груши все не закладывали в погреба сушиться на деревянных слегах, а опьяневшая от садовых соков мошкара дни напролет дождем падала с неба.

И еще стояла в воздухе какая-то истома, ленивый вздох, безмятежная уверенность в том, что ничто не кончается, и хотя люди по привычке, без продыху и без жалоб, продолжали работать, они втайне наслаждались этой нескончаемой осенью, приказывавшей им не забывать любить.

Но вот у опушки восточного леса снова произошло неожиданное событие. Начался снегопад. Снег пошел внезапно, и не робкими мохнатыми снежинками, мелькающими в серой мгле и едва успевающими коснуться земли, прежде чем растаять. Нет, летели плотные хлопья размером с бутон магнолии, образовавшие непроницаемую завесу. Около шести в деревне все были сильно удивлены: отец, который колол дрова в одной бумазейной рубахе, Марсело, который выгуливал свору собак возле пруда, Жанетта, месившая квашню, и все остальные, кто под конец осени, мечтая об утраченном счастье, хлопотал по хозяйству, сновал по двору туда-сюда кто с кожей, кто с мукой, кто с сеном. Да, все были застигнуты врасплох и теперь задвигали засовы на дверях хлевов, загоняли овец и собак, предвкушая то, что почти столь же приятно, как чудесная осенняя ленца: к первым посиделкам у очага, когда снаружи чертовски метет.

Готовились и размышляли. А размышляли — из тех, кто помнил, — об одном осеннем вечере тому десять лет назад, когда внезапно повалил снег, да так, словно небо вдруг раскрошилось белоснежными опилками. А особенно задумались об этом на ферме у девочки, где только что обнаружили, что ее нет, и где отец нахлобучил меховую шапку и натянул охотничью куртку, от которой за сто метров несло нафталином.

— Только бы у нас ее не отняли, — прошептал он, прежде чем скрыться во тьме.

Он стучал в двери домов, где жили другие фермеры, шорник и седельщик, деревенский голова, который был также старшиной дорожных обходчиков, лесничий и другие. И повсюду, прежде чем отправиться к следующей двери, говорил одно и то же: *малышка пропала*! И у него за спиной хозяин дома кричал, чтоб ему дали охотничью куртку или самое теплое

пальто, подпоясывался и нырял в снежную бурю. Так что их собралось пятнадцать человек в доме у Марсело, жена которого уже приготовила свиные шкварки и кувшин горячего вина. Все это смели за десять минут, перемежая еду боевыми наказами, не многим отличавшимися от тех, что раздаются утром в день охоты. За тем исключением, что передвижения диких кабанов тайны не составляли, а вот девочка была непредсказуемей чертенка. Просто у отца, как и у остальных, было на этот счет свое мнение, потому что в тех краях, где мирно уживаются Господь Бог и легенды и где чертей подозревают в разных каверзах, о которых давно позабыл городской человек, люди не верят в случайные совпадения. В наших местах, видите ли, в беде лишь изредка призывают на помощь разум, а скорее полагаются на глаз, ногу, интуицию и упорство. Именно так поступили мужчины в тот вечер, потому что вспомнили похожую ночь ровно десять лет назад, когда они шли по тропе в гору, ища того, чьи следы вели прямо к опушке восточного леса. Однако отец больше всего опасался, что, придя на место, парни будут только хлопать глазами, креститься и качать головой, точь-в-точь как тогда, когда следы внезапно оборвались в центре круга и все уставились на гладкий, как кожа новорожденного младенца, снег, нетронутый и безмолвный, по которому — охотники готовы были в том поклясться — дня два никто не ступал.

Ладно, пусть себе продираются сквозь снежную бурю.

Малышка добралась до опушки. Шел снег. Ей совсем не было холодно. Тот, кто привел ее сюда, заговорил с ней. Это был высокий и прекрасный белый конь, от его спины и боков в вечернем воздухе поднимается пар и светлым туманом заволакивает все стороны света — к западу, где синеет Морван, к востоку, где сжали хлеб без единого дождя, к северу, где раскинулась равнина, и к югу, где люди с трудом идут в гору, увязая в снегу по бедра, и сердца их сжимает тревога. Да, высокий прекрасный белый конь с руками и ногами, да еще и с петушиными шпорами. И он не конь, не человек, не вепрь, а одновременно все они, только составляющие их части подвижны — лошадиная голова вдруг становится человечьей, а тело одновременно удлиняется и обзаводится конскими копытами, которые сокращаются до поросячьих ножек, а потом вырастают до размера кабаньих. И все это продолжается бесконечно, а малышка сосредоточенно следит за этой пляской сущностей, которые перекликаются и смешиваются, прокладывая путь знанию и вере. Он ласково заговорил с ней, и туман изменился. И тогда она увидела. Девочка не понимала, что он говорит, но видела снежный вечер, такой же, как нынешний, в том же селении, где расположена ее ферма, и на крыльце, на белизне снега, что-то белело. И это что-то — она сама.

Все без исключения вспоминали об этом всякий раз, как встречали эту малышку, трепещущую, словно цыпленок, биение жизни которого не скрывает легкий пушок его детского оперения. Тетушка Анжела как раз собралась запереть курятник, когда обнаружила бедняжку. Со смуглого личика девочки на нее глянули черные глаза, такие огромные и такие явно человечьи, что Анжела так и застыла, а потом опомнилась и закричала: «Дитя в ночи!» А после прижала к себе и унесла в дом — малышку, спасая ее от снежных хлопьев, а снег все падал и падал, неумолимо. Той ночью, попозже, тетушка сообщила: «Меня будто Господь вразумил». После чего умолкла со смутным чувством, что невозможно высказать, как искажается геометрия мира после того, как обнаружен новорожденный младенец в белых пеленочках, как вспыхивают возможности и расщепляются на неведомые траектории,

вибрирующие в снежной ночи, а тем временем втягиваются и сокращаются пространства и времена. Но она хотя бы ощутила это, а труд разобраться препоручила Богу.

Час спустя после того, как Анжела обнаружила девочку, ферма была полна сельчан, которые держали совет, а окрестность — мужчин, идущих по следу. Они двигались по цепочке одиноких шагов, начинавшихся от фермы и поднимавшихся к восточному лесу, едва впечатываясь в снег, в котором мужчины, однако же, увязали едва не по пояс. Дальнейшее известно: придя на опушку, они прекратили преследование и вернулись в селение с грузом весьма темных мыслей.

— Только бы не… — сказал отец.

Больше никто ничего не сказал, но все подумали о несчастной, которая не дай бог, и осенили себя крестом.

Девочка наблюдала за всем этим, лежа в пеленках тонкого батиста, с кружевами неизвестного в округе рисунка, где был вышит крест, согревший сердца бабулек, и два слова на неведомом языке, сильно их напугавшие. Над двумя этими словами тщетно раздумывали все присутствующие, пока не подошел Жанно, почтовый служащий. По причине войны, той самой, откуда не вернулся двадцать один житель селения, коим поставили памятник напротив мэрии и церкви, этому Жанно в прежние времена случилось весьма далеко забраться на территорию под названием Европа. Для участников спасательной операции оная местность представляла собой не более чем розовые, голубые, зеленые и красные пятна на карте в зале мэрии, потому что какая тут Европа, когда строжайшие границы разделяют села, стоящие всего в трех лье друг от друга?

И вот этот Жанно, заявившийся в шапке из снежных хлопьев и тут же получивший от матери чашку кофе, куда она щедро плеснула спиртного, взглянул на вышитую на атласной ткани надпись и сказал:

— Ей-богу, это же по-испански.

— Точно знаешь? — спросил отец.

Славный малый энергично закивал головой, уже отяжелевшей от спиртного.

— И что означает? — снова спросил отец.

— Откуда мне знать? — ответил Жанно, не говоривший по-бусурмански.

Селяне покачали головой и запили известие новой порцией горячительного напитка. Так, значит, малышка из Испанских земель? Ну и ну!

Тем временем женщины, которые, конечно, не выпивали, сходили за Люсеттой, недавно разродившейся, и теперь она принялась кормить молоком обоих мальцов, пристроив их к таким же белым, как снег за окном, грудям. И мужчины без всякой задней мысли смотрели на эти прекрасные груди, так напоминающие сахарные головы, что их хотелось лизнуть. И всем казалось, будто на весь мир словно бы снисходит покой, потому как тут у нас два малыша приникли к кормящим сосцам. Вдоволь напившись молока, малютка славно срыгнула — кругленько, как шарик, и громко, как с колокольни, — и все засмеялись и стали братски хлопать друг друга по плечу. Всем полегчало, Люсетта зашнуровала корсаж, и женщины подали заячий паштет на толстых ломтях хлеба, обжаренного на гусином жире. Все решили, что это грешок господина кюре, а они удумали оставить девочку в христианском доме. Все остальное не вызвало тех проблем, какие могли бы возникнуть в иных местах,

если б испанская девочка свалилась там на крыльцо кому ни попадя.

— Ну, — сказал отец, — по мне, так малютка у себя дома, — и посмотрел на мать, которая улыбнулась в ответ. Потом посмотрел на каждого из гостей, которые были не в силах отвести сытый взгляд от младенцев, уложенных на одеяле возле большой печи. И наконец посмотрел на господина кюре с лоснящимся от паштета из зайчатины и гусиного жира лицом. Тот встал и приблизился к печи.

Все повскакали со своих мест.

Мы не станем повторять здесь благословение деревенского кюре, вся эта латынь — когда лучше бы было хоть немного знать испанский — запутает нас вконец. Но они встали, кюре благословил малышку, и каждый понял, что эта снежная ночь исполнена благодати. Все помнили рассказ одного старожила про такую сильную стужу, что если не замерзнешь, так помрешь от страха. Это случилось во время последней кампании, из которой они вышли с победой и вечным проклятьем — памятью о павших. Той последней кампании, когда колонны двигались вперед в лунных сумерках и когда сам он уже не понимал, существовали ли когда-то дороги его детства, и лещина у поворота, и рои пчел на Иванов день… Да, он перестал что-либо понимать, и все остальные тоже, потому что тогда было так холодно, так холодно… невозможно вообразить, что за участь им выпала. Но на рассвете после той ужасной ночи, когда мороз валил храбрецов, которых не смог сломить враг, внезапно начался снегопад, и этот снег… он был словно искупление мира, потому что дивизии больше не будут замерзать до смерти и скоро все почувствуют чудесное и долгожданное прикосновение оттепели.

Малютка не чувствовала холода, не больше, чем солдаты в последнюю кампанию или парни, вышедшие на опушку и замершие, как собаки в стойке на охоте. Позднее они не смогут четко вспомнить то, что видели ясно, как днем, и на все вопросы станут отвечать неопределенным тоном человека, пытающегося где-то в глубинах сознания обнаружить смутное воспоминание. Чаще всего они будут просто говорить:

— Там малютка стояла посреди черт-те какой пурги, но она была живехонька и теплехонька и болтала со зверем, который потом ушел.

— Что за зверь? — будут спрашивать женщины.

— Да уж такой зверь, — ответят они.

А поскольку дело происходит в таких местах, где Бог и легенда и так далее, то этим ответом все удовлетворятся и будут просто беречь девочку, как сам Гроб Господень.

Поразительно человечный был зверь, это ощущал каждый, глядя на вихрящиеся вокруг малютки волны, такие же видимые, как полотно. И зрелище это было им внове и вызывало у них странную дрожь, как будто жизнь внезапно распахнулась настежь и можно наконец заглянуть внутрь. Но что можно увидеть внутри жизни? Видны деревья, роща, снег, может быть, мост и пейзажи, что проносятся мимо, так что взгляд не способен удержать их. Видно тяжкий труд и легкий ветерок, времена года и страдания, и каждый видит картину, что принадлежит лишь его сердцу, — кожаный ремень с жестяной пряжкой, край поля, где боярышника целый полк, морщины на лице любимой и улыбку девочки, рассказывающей историю про лягушек. Потом видение исчезло. Мужчины потом скажут, что мир вдруг снова шлепнулся с головы на ноги — с такой отдачей, что их даже качнуло, — после чего они увидели, что туман над опушкой рассеялся, повалил такой снег, что можно провалиться по

пояс, и что малышка стоит одна в центре круга, где других следов, кроме ее, — нет. Тогда все спустились к ферме. Девочку усадили перед чашкой горячего молока, а мужчины поспешно отставили ружья, потому что их ждала грибная жареха, паштет из требухи и десять бутылок вина из погреба.

Вот история девочки, которая крепко держалась за лапу гигантского вепря. По правде сказать, никто не смог бы объяснить смысл случившегося. Но надо сказать еще кое-что, два слова, вышитые на белой атласной пеленке, ни логики, ни смысла, на прекрасном испанском языке, который малышка выучит, когда покинет село и запустит механизмы судьбы. А кроме того, заметим: всякий человек вправе знать тайну своего рождения. Так молятся в наших церквах и в наших лесах и так пускаются бродить по свету, оттого что родились снежной ночью, получив в наследство два слова из Испанских земель.

Mantendré siempre[1]

Малышка из Итальянских земель

Те, кто не умеет читать между строк жизни, запомнят только, что малышка выросла в затерянном селении Абруцци под опекой деревенского кюре и его безграмотной старухи-няньки.

Жилище падре Ченти представляло собой высокую каменную постройку с погребами и со сливовым садом, где в прохладные часы надолго развешивали белье, чтобы его просушил ветер с гор. Дом стоял посередине деревни, стрелой взмывавшей в небо так, что улицы обматывали холм как нитки плотного клубка, в который кто-то воткнул церковь, постоялый двор и кое-какие каменные строения, приютившие шестьдесят душ. Пробегав весь день на воле, Клара возвращалась к семейному очагу не иначе, как через фруктовый сад, где обращалась к местным духам, готовясь вернуться в дом. Потом она шла в кухню, длинную низкую комнату, где из кладовки пахло сливой, старым тазом для варенья и благородной подвальной пылью.

Там от рассвета до заката старая нянька рассказывала истории. Кюре она как-то сообщила, что слышала их от бабушки, а Кларе — что их нашептали ей во сне духи Сассо, и малышка понимала, что признание это похоже на правду, ибо слыхала рассказы Паоло, который сам заимствовал их у духов альпийских лугов.

Но в фигурах и оборотах речи рассказчицы она ценила только бархат и напевность ее голоса. Ибо эта простая женщина, которую от полной безграмотности отделяли всего два слова — она умела писать свое имя и название деревни, а молитвы во время службы не читала, но твердила по памяти, — имела дикцию, контрастировавшую с убогостью прихода, затерянного среди отлогих уступов Сассо. Кстати, неплохо было бы знать, что в то время представлял собой горный край Абруцци, где жили покровители Клары: восемь месяцев снега с бурями вперемешку в горных массивах, зажатых между двумя морями, где нередко и в разгар лета можно было увидеть снежные хлопья. А вдобавок еще и бедность — бедность края, где лишь возделывают землю и разводят скот, в теплое время уводя его на горные пастбища. Народу мало, да и то в снежные месяцы почти все уходят, отгоняя скот под солнце Пулии. В деревне тогда можно встретить лишь тружеников-крестьян, которые выращивают темную чечевицу, что приживается только на бедных почвах, и доблестных женщин, которые в суровые зимы посвящают себя заботам о детях, служению Богу и работе на ферме. Но если ветер и снег обтачивают людей этих земель, как уступы каменных утесов, то еще их формирует поэзия пейзажей, в ледяных туманах альпийских лугов нашептывая пастухам рифмы и рождая из вихрей селения, парящие в небесной синеве.

Вот и в голосе старой женщины, чья жизнь протекла в отрезанной от цивилизации деревне, шуршал шелк, сотканный из роскоши этих пейзажей. Малышка была уверена: именно тембр этого голоса пробудил ее к миру, хотя ее и заверяли, что она в ту пору была лишь голодным грудным младенцем, найденным на верхней ступени церковного крыльца. Но вера Клары не знала сомнений.

Ей сильно недоставало ощущений, провал в кружевной оправе белизны и ветра; зато был звонкий ручей, пронизывавший пустоту. Его журчание возвращалось к ней каждое утро, когда старая нянька будила ее. На самом деле малышка выучила итальянский с

поразительной скоростью, но Паоло-пастух по-своему понял то ощущение дара Божьего, которое шлейфом тянулось за ней, — однажды долгим вечером он ласково прошептал ей:

— *Это ты музыку слышишь, да ведь, малышка, — музыку?*

Подняв на него свои синие, как потоки с ледника, глаза, она ответила взглядом, в котором пели ангелы тайны. И жизнь текла по склонам Сассо с медлительностью и насыщенностью тех мест, где все требует труда и точно так же неспешно вписывается в ту давнюю грезу, когда люди постигали мир в тесном смешении немощи и истового упорства.

Здесь много работали, столько же молились, здесь оберегали малышку, которая говорила как пела и умела болтать с духами скал и ущелий.

Однажды июньским вечером в дверь приходского дома постучали, и в кухню, утирая потные лбы, вошли двое мужчин. Один из них был младший брат кюре, другой — возчик, прибывший из Аквилы на запряженной парой лошадей большой телеге, на которой виднелся массивный предмет, стянутый попонами и ремнями.

После обеда Клара сидела на скалистом уступе над деревней, откуда можно было охватить взглядом обе долины, а в ясную погоду увидеть к тому же Пескару и море, и следила взглядом за процессией, двигавшейся по северной дороге. Когда телега преодолела последний подъем, девочка сбежала по склону и вошла в приходский дом: лицо ее светилось любовью. Мужчины оставили повозку у паперти и поднялись в сливовый сад. Там все расцеловались и выпили прохладного, с фруктовым привкусом, белого вина, которое подавали в жаркие дни, к чему добавили несколько закусок для подкрепления сил. После чего, отложив ужин на более позднее время, утерлись обшлагами рукавов и перешли в церковь, где ждал падре Ченти. Пришлось звать на подмогу еще двоих мужчин, чтобы установить большой предмет в нефе и начать освобождать его от пут. Тем временем вся деревня понемногу рассаживалась по скамейкам церквушки, а в воздухе долины разливалось приятное тепло, совпавшее с появлением из города этого неожиданного наследства. Но Клара, неподвижная и немая, стояла в отдалении, в тени колонны. Настал ее час, она догадалась об этом в тот момент, когда заметила движущуюся точку на северной дороге. И если старая нянька разглядела у нее на лице радостное смятение невесты, то это потому, что девочка чувствовала, что находится на пороге бракосочетания, единения с чем-то знакомым и странным. Когда сняли последний ремень и стал наконец виден сам предмет, послышалось довольное перешептывание, за которым последовал гром аплодисментов. Взорам собравшихся предстал прекрасный рояль, черный и гладкий, как галька, и почти без царапин, хотя ему довелось немало поездить и пожить.

Вот какова была его история. Падре Ченти происходил из богатого аквильского рода, хиревшего без потомства, поскольку сам он сделался священником, двое его братьев умерли до срока, а третий, Алессандро, теперь расплачивающийся за грехи ветреной жизни в Риме, так и не обзавелся женой. Отец их умер до войны, оставив вдове неожиданный список долгов и дом, слишком роскошный для бедной женщины, каковой она стала в одночасье. После того как она продала все свое добро и кредиторы перестали стучаться в дверь, она удалилась в тот самый монастырь, где несколько лет спустя умерла. Это было задолго до того, как Клара появилась в деревне. И вот, расставаясь с мирской жизнью ради окончательного затворничества, она приказала отнести к сестре, старой деве, жившей возле крепостной стены, рояль, то единственное, что осталось от былой жизни и что ей удалось спасти от

стервятников, и попросила сберечь для внуков, буде те народятся у нее на земле. «Я их не узнаю, но они получат это от меня, теперь же я ухожу и желаю тебе хорошей жизни», — прилежно переписала тетка в своем завещании, оставляя инструмент тому из своих племянников, кто обзаведется потомством ко дню ее кончины, и добавила: «сделайте по моей воле». Именно так и решил поступить нотариус, прослышавший о появлении сиротки в приходском доме. Он попросил Алессандро сопроводить наследство до жилища брата. Поскольку рояль всю войну простоял на чердаке, да и потом тоже никому не пришло в голову спускать его вниз, тот же нотариус предупредил письмом, что по прибытии инструмент следует настроить. На что кюре ответил, что настройщик, раз в год объезжающий близлежащие города и веси, уже приглашен в первые дни лета заглянуть в деревню, сделав небольшой крюк.

И все смотрели на прекрасный рояль, блестевший под витражами, и все смеялись, обменивались впечатлениями и смаковали радость чудесного дня в конце весны.

Но Клара молчала. Ей уже доводилось слышать игру на органе во время отпевания в соседней церкви. Старуха-богомолка, исполнявшая церковный репертуар, была столь же тугоуха, сколь и бездарна с музыкальной точки зрения; правда, надо сказать, что и аккорды, которые она вбивала в клавиатуру, возможно, тоже не стоили упоминания.

Клара стократно предпочитала напевы, которые Паоло выдувал из своей горной дудочки и которые казались ей и чище, и мощнее органного грохота во славу Всевышнего.

Однако при виде повозки внизу, на изгибах долгой петляющей дороги, ее сердце екнуло, как будто готовилось что-то необыкновенное. Теперь, когда предмет предстал перед ней, это чувство нарастало с головокружительной быстротой, и Клара не понимала, как сможет вынести ожидание. Потому что, к огорчению тех, кто хотел получить аванс в счет грядущих радостей, было объявлено, что пока инструмент не настроят, к нему никто не должен прикасаться. Но решение духовного пастыря уважали, а потому готовились к славному вечеру за доброй чаркой вина под защитой благоприятствующих звезд.

И вечер выдался великолепный. В саду под сливовыми деревьями накрыли стол и пригласили отужинать старых друзей Алессандро. Некогда он был очень красив, и под отметинами времени и былых излишеств еще проступали тонкость черт и гордая лепка лица. К тому же он говорил по-итальянски ровным тоном, что не вредило мелодичности речи. Обычно он рассказывал истории о прекрасных женщинах и бесконечных вечерах, когда курят под навесом, беседуя с поэтами и мудрецами. В тот раз он завел рассказ, действие которого разворачивалось в благоухающих гостиных, где угощали тонкими сигарами и золотистыми ликерами. Смысла истории Клара не понимала, настолько чужды были ей и обстановка, и нравы. Но когда он собрался приступить к рассказу о чем-то таинственном под названием концерт, старая нянька прервала его словами: «Sandro, al vino ci pensi tu?»[2] И любезный человек, спаливший всю свою жизнь за несколько лет бурной и расточительной молодости, отправился в подвал и принес бутылки, которые он открыл с той же элегантностью, с которой погубил свою жизнь, и с той же улыбкой на губах, с какой всегда встречал любую беду. И тогда в теплом лунном свете, от которого вспыхивал выхваченный из тьмы обеденный стол приходского дома, Алессандро на мгновение снова стал блестящим юношей из прошлого. Потом выражение лица, поразившее всех, подернулось ночным пеплом. Вдали виднелись огни, висящие в пустоте, и люди знали, что другие тоже разливают летнее вино,

славя Господа в благодати теплых сумерек. Горы покрылись алыми маками, а тут — малютка с волосами светлее сухих травинок, которую падре скоро выучит играть на рояле, как водится у городских барышень. Ах… остановиться и отдышаться в беспрестанном круговороте трудов… то была великая ночь, и это понимали все, кто там собрался.

Алессандро Ченти оставался в приходском доме в дни, последовавшие за прибытием рояля, и он же встретил настройщика в самом начале июльской жары. Клара пошла за ними в церковь и молча смотрела, как незнакомец раскладывает инструменты. Первые удары по расстроенным клавишам произвели на нее впечатление одновременно и наточенного лезвия, и сладостного морока, Алессандро и настройщик переговаривались и шутили, а ее жизнь падала и взлетала от смыкающихся наугад пластинок слоновой кости и войлочных молоточков. Потом Алессандро сел за инструмент, поставил перед собой ноты и сыграл довольно хорошо, несмотря на долгий перерыв. В конце отрывка Клара встала рядом с ним и, показав на ноты, знаком попросила перевернуть страницы. Он чуть снисходительно улыбнулся, но что-то в ее взгляде поразило его, и он стал листать страницы, как она просила.

Он медленно переворачивал одну за другой, потом начал пьесу сначала. Когда он закончил, девочка сказала: «Сыграй еще», и он исполнил отрывок еще раз. Все молчали. Алессандро встал и пошел в ризницу за большой красной подушкой, которую он водрузил на обитый бархатом табурет. «Ты хочешь играть?» — спросил он, и голос у него был хриплый.

Кисти у малышки были тонкие и грациозные, пожалуй, крупноватые для ребенка, отпраздновавшего десять лет только в ноябре, пальцы с поразительной растяжкой. Она подняла их над клавишами, как положено, перед тем как начать играть, но оставила висеть в воздухе на миг, в который обоим мужчинам показалось, что в нефе просвистел неизъяснимый ветер судьбы. Потом она опустила руки. И тогда по церкви пронеслась буря, настоящая буря, разметавшая листву, рокотавшая как вал, который вздымается и падает на гордые пики утесов. Наконец волна прошла, и девочка заиграла.

Она играла медленно, не глядя на руки и ни разу не сбившись. Алессандро переворачивал страницы, и она продолжала играть с тем же неумолимым совершенством, с той же скоростью и точностью, пока в преображенной церкви не воцарилась тишина.

— Ты читаешь то, что играешь? — спросил Алессандро спустя долгое время.

Она ответила:

— Я смотрю.

— Ты можешь играть, не глядя в ноты?

Она кивнула.

— Ты смотришь, только чтобы понять?

Она снова кивнула, и они нерешительно переглянулись, как будто получили кристалл — такой хрупкий, что не знали, как удержать его на ладони. В прошлом Алессандро Ченти нередко случалось видеть кристаллы с их прозрачностью и головокружительной чистотой, и он познал таящиеся в них и восторг, и изнеможение. Но в нынешнем его существовании о былых увлечениях напоминали лишь трели птиц на заре или гигантские росчерки облаков. И потому боль, которую он ощутил, когда малышка заиграла, пробудила какую-то печаль, давно таившуюся внутри души, смутное напоминание о жестокости наслаждения, — и в миг, когда

он спросил: «Ты смотришь, только чтобы понять?» — Алессандро уже знал, каков будет ответ Клары.

Они послали за падре Ченти и нянькой и взяли все ноты, привезенные Алессандро из города. Кюре и пожилая женщина уселись на первую скамью для паствы, и Алессандро попросил Клару снова сыграть отрывок по памяти. Когда она начала играть, изумление, словно удар молота, придавило новых слушателей. Потом старая нянька раз сто перекрестилась, а Клара тем временем сыграла сонату в два раза быстрее, ведь теперь наступило настоящее торжество, настоящее единение. Она одну за другой проигрывала ноты, которые ставил на пюпитр Алессандро. Позднее появятся рассказы о том, как именно Клара играла и что безупречность исполнения была не главным чудом этого июльского свадебного обряда. Да будет известно только, что в миг, когда она увидела пьесу в синей обложке, которую Алессандро торжественно поставил перед ней, она сделала глубокий вдох, показавшийся свидетелям горным ветром, залетевшим под высокие стрельчатые своды. Потом заиграла. Слезы текли по щекам Алессандро, и он не пытался их сдержать. Пронесся образ, столь драгоценный, что пронзил его насквозь и больше не изгладился из памяти, и в мимолетном видении этого лица на фоне картины с рыдающей женщиной, которая прижимала к груди Христа, он с удивлением понял, что не плакал десять лет.

Назавтра он собрался в путь, сказав, что вернется в начале августа. Алессандро вернулся, как обещал. Через неделю после его возвращения в дверь приходского дома постучал высокий, чуть сутулый человек. Алессандро спустился в кухню встретить гостя, и они обнялись, как братья.

— Вот значит как, Сандро, — сказал человек.

Клара застыла на пороге. Алессандро взял ее за руку и подвел к высокому мужчине.

— Познакомься, это Пьетро, — сказал он.

Они посмотрели друг на друга с взаимным любопытством, вызванным противоположными причинами: он о ней слышал, она же не знала о нем ничего. Потом, не сводя с нее глаз, Пьетро сказал Алессандро:

— Теперь ты объяснишь мне?

В этот прекрасный послеполуденный час, когда троица шла по улице к церкви, у своих домов сидели люди. Все смотрели на мужчин, которые — хотя один был всем знаком — все-таки были какими-то особенными, как по одежде, так и по манерам, и, когда они проходили, люди вставали и задумчиво провожали их взглядами. Потом Клара заиграла, и Пьетро понял смысл долгого пути, что привел его от Рима до этих забытых Богом отрогов Сассо. В момент, когда она взяла последнюю ноту, он испытал головокружение такой поразительной силы, что его качнуло, а потом высветился целый букет образов, почти тотчас исчезнувших, — но последний запечатлелся в памяти надолго, Пьетро с почтением вспоминал хрупкую девочку, благодаря которой случилось чудо возрождения, а на ее лицо наслаивалось лицо другой женщины, смеявшейся в бликах света и тени забытого сада.

Клара играла до наступления темноты. Потом великая тишина окутала своды церкви, где явился ей чудом уцелевший рояль — в лето, предшествовавшее ее одиннадцатилетию.

Видите ли, это, конечно, сказка, но еще и быль. Кто может отделить одно от другого?

Никто, по крайней мере из тех, кто слышал историю девочки, найденной в затерянной деревне Абруцци у сельского кюре и старой невежественной няньки.

Единственное, что известно, так это то, что звали ее Кларой Ченти и что история на этом не кончается, поскольку Пьетро отправился в такую даль слушать игру маленькой дикарки не для того, чтобы потом преспокойно вернуться в Рим. А прежде чем последовать за ними в большой город, где теперь назревает война, мы добавим, что тот же Пьетро, когда Клара в сумеречном пространстве церкви доиграла последнее произведение, сказал:

Alle orfane la grazia[3].

Лучники

Лишенные корней — последний альянс

Анжела
Черные стрелы

Малютка, которую нарекли Марией, чтобы воздать двойную честь: во-первых, Богородице и во-вторых — словам из Испанских земель, — росла на ферме под покровительством четырех грозных старух, у которых на все случаи жизни под рукой имелись четки и Око Господне, как говорят про бабулек, от которых ничто не ускользнет на двадцать верст вокруг, хотя сами они покидают дом лишь ради похорон какого-нибудь кузена или свадьбы какой-нибудь внучечки, тоже никогда, насколько помнится, не покидавших округи.

Точно можно сказать лишь, что это были женщины. Самой младшей едва пошел восемьдесят первый год, и она почтительно молчала, когда старшие высказывались о засолке свинины или отваре листьев шалфея. Появление девочки мало что изменило в течении дней, посвященных делам благочестивым и утомительным, которые в христианской земле являются уделом порядочных женщин. Они только старались пораньше сдаивать для нее парное молоко и читать Священное Писание, когда не сушили большие пучки полыни, изучая с ней лекарственные растения, целебные и нравственные свойства которых следовало перечислять на память, и не как-нибудь, а в определенном порядке. Нет, появление малышки внешне никак не изменило очертаний месяцев и лет, доверху набитых четырьмя материями, питавшими людей этих земель, то бишь верой, трудом, охотой и собственно пищей. Но на самом деле девочка преобразила их жизнь, и если это не сразу заметили, то потому, что ее воздействие шло неспешно, и так же неспешно помимо ее воли разворачивались и крепли ее собственные силы.

Но прошло много тучных весен и много великолепных зим, прежде чем кто-то подумал, что это может быть как-то связано с той первой снежной ночью. Впрочем, и приумножение дара бабулек объяснялось не иначе как Божьим благословением этому краю, где женщины усердно молятся, и ни единому человеку не пришло на ум, что прибытком таланта чудны́е старые хлопотуньи обязаны паре слов на испанском.

Самой бдительной из четырех оказалась тетушка Анжела, сестра бабушки по отцовской линии, чей род славился женщинами крошечными, как мышки, но более упорными в достижении цели, чем несущееся стадо кабанов. Анжела была той же породы и даже малость добавила от себя, развив особую форму упрямства, при отсутствии ума ставшего бы совсем дремучим, но, поскольку ум у Анжелы был живой и прыткий, как ручей, она употребляла высвобождавшийся избыток мудрости для понимания мира, хотя в глаза его не видала. С самого начала, как мы знаем, Анжеле почудилось, что в малышке есть что-то сверхъестественное. После эпизода со зверюгой, которую люди даже толком не могли описать, а сама она готова была биться об заклад, что это вовсе не зверюга, старуха в своей догадке уже не сомневалась. Более того, она даже внутренне утвердилась в уверенности, ежедневно подкрепляемой новым подвоем доказательств, что малышка мало того что волшебница, так еще и весьма могущественная. И как бывает доподлинно известно старухам, хотя и видавшим из всего мира лишь три холма да два перелеска, она с ужасом догадалась, что девочку от рождения что-то преследует. А потому еще до заутрени ежедневно читала над

ней парочку «Ave Maria» и столько же по счету «Отче наш» и следила краем своего Ока Господня за всеми передвижениями малышки — и пусть молоко хоть сто раз убегает на коварной плите.

С истории на опушке восточного леса прошел год, и этот год промелькнул как сон в спокойных волнах счастья. И вот однажды утром в конце ноября Анжела направила на поиски девочки свое Око Господне — на рассвете видели, как та в погребе отрезала себе кусок сыра и вприпрыжку отправилась к деревьям и заутрене. Некоторые, забывшие о жизни на лоне первозданной природы, подумают, что Око Господне — это метафора и представляет собой просто россказни соседок, а на самом деле эта ячеистая структура сельской местности, с клетками плотнее, чем соты в улье, существовала всегда. Но Око Господне заметно превосходит значение деревенских сплетен и напоминает скорее зонд, позволяющий различать, словно в полутьме, существа и предметы вне пределов непосредственной видимости. Конечно, ничего подобного не было на совести у тетушки Анжелы; спроси кто у кумушек о глазе, и они стали бы перебирать четки и бормотать что-то невнятное про материнское сердце-вещун, потому что магия — это чертовщина, от которой они открещивались вплоть до отрицания своих способностей, которые были хотя и явными, однако же не вполне христианскими.

Природа в тот день искрилась. С утра подморозило, и иней трещал по всей округе; и тут солнце разом поднялось над землей, обтянутой ровной скатертью, переливавшейся морем света. И потому, устремив взгляд на поля, укутанные снежным покровом, и почти сразу обнаружив малышку на краю корабельной рощи, к востоку от фермы, Анжела не удивилась четкости своего зрения и на миг погрузилась в созерцание сцены, и вправду весьма красивой. Мария выделялась на фоне заиндевевших, обтянутых белым деревьев, склонившихся над ее головой алмазными стрельчатыми арками. Ведь созерцать такое не грех, ибо то не праздность, а хвала творению Господню. Надо сказать, что в те времена в сельской местности, где люди жили очень просто, можно было запросто прикоснуться к Божественному. Причина такой легкости крылась в поддержании ими ежедневного диалога с тучами и камнями и с могучими влажными рассветами, проливающими на землю потоки прозрачного света. И потому, сидя на кухне и глядя в пустоту, Анжела улыбалась видению малышки на этой опушке, застывшей алтарем из свежего льда чудесной рощи, и вдруг резко вздрогнула от внезапного прозрения. Как она могла недосмотреть? Внезапно до нее дошло, что яркость эта необычна и что световые арки и бриллиантовые соборы скрывают от нее, что девочка не одна и даже, возможно, в опасности. Старуха не медлила ни секунды. Мать и остальные бабульки спозаранку ушли на похороны, откуда вернутся никак не раньше чем через два часа. На соседней ферме можно застать только хозяйку, мамашу Марсело, — все мужское население деревни с утра отправилось на первую большую зимнюю охоту. Можно обратиться за помощью к кюре, добежав до приходского дома, — но тот представился ей во всей своей красе и при немалом пузе, набитом гусиным жиром, и (Анжела обязала себя впоследствии замолить нечестивую мысль) совершенно неспособным бороться с темными силами мироздания.

В те времена, не знавшие развращающего тепла современных жилищ, Анжела носила дома три кофты и семь юбок с исподницами. К этому она добавила тяжелую драповую

пелерину, и так, заковавшись в броню, крепко повязав чепец на своих трех волосинах, вышла на мороз в предательском свете того гибельного дня. Все вместе, то есть бабулька плюс ее восемь зимних покровов, башмаки, три нитки четок и серебряный крест на цепочке и, конечно, чепец с лентами, на который она нахлобучила грубую фетровую шаль, — весило не больше сорока килограммов. А потому ее девяносто четыре весны словно летели по-над тропинками, так что даже не слышалось обычного хруста замерзших листьев под подошвами. Она почти бесшумно, запыхавшись и побагровев, внезапно появилась на краю поля, которое прежде обозрела своим оком. Она едва успела заметить малышку, которая что-то кричала, обращаясь к высокому серому коню, тускло мерцавшему серебром, и выдохнуть что-то вроде «Помилуйте, святые угодники и Богородица-заступница!», что в итоге свелось к изящному «о-хо-хо», — и на поле пала тьма. Да, ураган налетел на малышку и чужака и опрокинул бы Анжелу на мягкое место, если бы та не вцепилась в свои четки, которые — хотите верьте, хотите нет — тут же обратились в посох. Чудо.

Так посреди ненастья тетушка потрясала своими четками и проклинала непроницаемое снежное облако, преграждавшее ей путь к Марии. Она потеряла шаль и чепец с лентами, и седые косички с прядями тонкими, как паутина, дыбом стояли на голове, которой она мотала, досадуя на сопротивление ветра. «Ох-ох! Ох-ох!» — твердила она, и на сей раз это означало: «Даже не думайте забрать у нас малышку, а то разукрашу ваши злодейские рожи». Да будет вам известно, что от башмака, запущенного разъяренной бабулькой, смерч может расступиться, вроде как у Моисея, у которого, верно, тоже все юбки заворотило вверх, вплоть до последней, такой же красной, как море из Великой Книги. Увидев брешь, пробитую башмаком, Анжела козочкой прыгнула туда и, парашютом раздув одежды, приземлилась в ревущий водоворот. Но вихри, закрывавшие ей обзор и мешавшие пробиться к малышке, двигались теперь вокруг этого энергетического месива и (догадка вспыхнула, но так и не облеклась в слова) сжимали ее. Тараща близорукие глаза и помогая себе четками, превратившимися в посох, она попыталась встать на ноги и подобрать юбки. Одежды Марии взвивались в ревущем потоке, и она что-то кричала серому коню, который отступил к кромке деревьев, потому что между ними образовалась черная завеса дымов, клубы которых громыхали и становились все плотнее. Но конь и сам был окутан туманами, чутко трепетавшими перед его благородной головой с блестящими ноздрями. Он был прекрасен со своей отливающей ртутью шкурой, испещренной тонкими серебряными нитями, так что тетушка, хотя и слепая как крот, вовсе не удивилась, что способна что-то разглядеть за двадцать шагов (после превращения четок в посох это был сущий пустяк). Малышка продолжала выкрикивать что-то непонятное, но черные дымы были сильнее, чем конь, стремившийся прийти к Марии. И в движении, которое он сделал в сторону девочки, сочувственно выгнув шею, одновременно успокаивая и прощаясь, бабулька прочла и грусть, и надежду, будто он говорил: «Мы еще увидимся», и ей совсем не ко времени (все же вокруг сверкали молнии) захотелось заплакать и хорошенько высморкаться.

А конь исчез.

Несколько секунд две живые души, оказавшиеся в темном водовороте, пребывали в неведении относительно своей участи.

Потом раздался жуткий свист, тучи рассеялись, черные дымы смертоносными стрелами взвились в небо и разнеслись по нему яростными брызгами, в окаменевшей тишине поля вновь обретя свой кристально-соляной убор; тетушка опамятовалась и прижала малышку к

плотной драповой накидке так крепко, что едва не придушила.

В тот вечер на ферму созвали мужчин. Женщины готовили ужин, и все ждали Андре, который заглянул домой раньше, подбросив пару зайцев и пообещав хороший кусок свинины. Ему успели поведать про недавние чудеса, так что он отправился стучаться в разные двери, пока женщины накрывали стол на пятнадцать человек. В обычное время здесь поужинали бы супом, салом, половинкой сыра на едока и толикой айвового мармелада Евгении. Сегодня же вместо этого приготовили заячье рагу и пирог с лисичками, коих открыли три банки прошлогоднего сбора. Мария сидела перед прекрасной грушей с подтеками меда, пахнущего тимьяном, который все лето собирали пчелы, и молчала. Девочку пробовали было расспросить, но отступились, с тревогой заметив чуть лихорадочный блеск черных зрачков. Все гадали, что же она могла такое кричать в тумане серому коню. Однако в словах Анжелы никто не усомнился, и потому ужин протек в общем шумном обсуждении историй про четки, про бури и про погоду в конце ноября, Анжеле пришлось раз шесть повторить свой обстоятельный рассказ, в котором она честно не поменяла ни единой запятой.

Рассказ обстоятельный, но не совсем полный, как заметила Мария, молча сидя над своей грушей и размышляя. Она размышляла над тем, что Анжела покосилась на нее, приступая к той части рассказа, где черные дымы обращались в острые стрелы, на которые глянешь — и понятно, что они разят насмерть. Глянешь — и понятно, вот и все. И Мария видела, что тетушка молчит про ужас, который запечатлелся в ее груди от жуткого зрелища, молчит в силу ряда причин, мучительно противоречащих ее любви к истине. Она сказала только: «А дымы прямо так ушли в небо и разом взорвались наверху, и небо опять стало голубым» — и умолкла. Мария задумалась.

Она думала о том, что знает многое, что неизвестно этим славным людям, и что она любит их со всей силой, которую одиннадцатилетний ребенок может обратить в любовь, которая рождается уже не только из ранних привязанностей, но из понимания человека со всем, что в нем есть великого и неизъяснимо-горестного. Анжела не говорила о смертоносной силе черных стрел отчасти потому, что боялась накликать беду, отчасти не желая напугать девочку, не зная, поняла та или нет, и отчасти потому, наконец, что и сама в прошлом была натурой пылкой и отважной. Пускай теперь тетушка походила на усохший орех, питаемый бесплотными молитвами, — Мария, с десятилетнего возраста обретшая дар различать образы прошлого, видела, что прежде та была хорошеньким светлячком, плотью и духом созданным для ветров свободы. Она видела, как в прошлом та частенько босиком шлепала по ручью и мечтательно смотрела в небо. Но еще ей открывались время и судьба, расходящиеся линии, которые невозможно поколебать, и она знала, что огонь в Анжеле постепенно ушел внутрь души и сконцентрировался в одной, навсегда забытой точке. Однако появление на крыльце фермы малютки из Испанских земель разбудило память о жаре, струившемся когда-то по ее венам, и его возрождение требовало, чтобы Мария осталась свободной и пылкой. Именно поэтому Анжела опасалась, что если заговорить о стрелах смерти, то односельчане сочтут разумным ограничить повседневную жизнь малышки, и верила, или, по крайней мере, надеялась, что сможет защитить ее сама, только бы не сковывать девочку, которую день, проведенный в четырех стенах, убьет вернее, чем все стрелы, отлетающие от обычных четок.

Мария размышляла, взрослые рассуждали. От вина с дальнего виноградника мужчины

размякли, и фантастические звери и черные дымы уже не казались им такими страшными, но разговор продолжался — решали, что лучше: призвать жандармов или знахарей — заклинателей темных сил или же положиться на старинную мудрость, что земля убережет от зла, если сердце чисто. Мужчинам стоило лишь взглянуть на тетушку Анжелу в кресле-качалке, куда силком усадили ее женщины, на Анжелу, чье морщинистое лицо, разгоряченное от рагу и вина, под новым чепцом с васильковыми лентами казалось высеченным из прекрасного тусклого дерева с благородными прожилками, — да, стоило мужчинам взглянуть на дорогую бабульку, чтобы узреть саму отвагу, которой осенил Господь наши пределы. И даже нашлись те, кто думал, что именно они, земли межгорий, и вылепили женщин такими, какими мы видим их в старости. Такие, несмотря на кухню, сад, курятник, коровник, снадобья и молитвы, не колеблясь возьмут шаль и четки и пойдут спасать невинных. До чего же славные у нас жены, думали мужчины, потягивая вино, до чего же красив наш край. А что ход их рассуждений порой прерывался из-за пирога с лисичками, никак не влияло на их искренность. Ибо мужчины горных долин любили свой край и своих жен, и знали, что те связаны с родными местами так же прочно, как сами они преданы своим наделам, и воспринимали полевые работы и тяготы охотничьих облав как дань, которую надо платить судьбе за ее щедрость.

Не одобрявший разговоров про знахарей и обычно не упускавший случая пожурить паству кюре чувствовал, что бой с суеверием вязнет в медовой груше, которую ему подали с полным бокалом доброго вина. Но он был славный человек, который от души любил покушать (не то что некоторые, что терпимы к другим лишь оттого, что сами беспрестанно грешат во плоти) и усвоил, едва окончив семинарию и приехав в деревню, что люди земли редко отклоняются от веры и что следует уметь выбирать, с чем бороться, если хочешь быть с ними на одной стороне. А он именно так и понимал свою миссию: он хотел быть со своей паствой, а не против нее и тем снискал у прихожан, помимо уважения, извечные щедроты будь то заячий паштет или айвовый мармелад, которые Евгения умела превратить в царские яства.

И в этой мирной атмосфере, когда все как следует прониклись сладостью тимьянового меда и хмелем наших виноградников, Марсело решил затронуть тему, которая показалась ему тут вполне уместной.

— С тех пор как поселилась у нас малышка, погода-то стоит лучше некуда, а?

В жарко натопленной комнате, где клевали носом бабульки, где мужчины откинулись на спинки стульев, смакуя стаканчик на посошок, где, ни на кого не глядя, но замечая все, размышляла Мария, пронесся долгий вздох. Словно сама ферма втянула, а после выдохнула большой глоток ночного воздуха, прежде чем задержать дыхание и застыть. Повисла огромная тишина, полная гула, который производили пятнадцать тел, выбрасывая в окрестный воздух мощный поток тревоги и сосредоточенности. Однако в этом внезапном оцепенении чувствовался поток желания, и все понимали, что каждый замер лишь в ожидании давно обещанного цветения. Только Мария, казалась, не принимала участия в происходящем, остальные же были напряжены, как индейский лук (образ этот пришел на ум кюре, на тот момент как раз читавшему книгу одного миссионера, отправившегося к индейцам), и никто не сказал бы в этот момент полного сосредоточения, чем оно разрешится.

Наконец тот же Марсело, которому стало невтерпеж, прокашлялся и вопросительно

уставился на святого отца.

То был сигнал к оттепели, и все заговорили — громко, беспорядочно и суматошно.

— Одиннадцатое лето подряд наши пашни отливают таким золотом, — говорил деревенский староста.

— Снег в самый срок и дичи полно! — восклицал Жанно.

И правда, леса межгорий были в округе самыми щедрыми на дичь, так что нелегко было уберечь их от посторонних вторжений, потому что парни из соседних мест, лишенные такого изобилия, нередко заглядывали сюда, чтобы как-то приглушить досаду.

— А сады у нас как хороши, — вторила Евгения, — персики и груши — прямо как в раю!

Тут она с беспокойством взглянула на кюре, но именно так она представляла себе райский сад — с золотыми персиками, бархатистыми, как поцелуй младенца, и с такими сочными грушами, что вино в сироп добавлялось только по слабости (а так-то чистый грех). Но у кюре имелись заботы и помимо старушечьего представления о райских персиках. К тому же бабулька славилась такой набожностью, что, вообрази она, что персики синие, а груши способны говорить, ему было бы абсолютно все равно. Главное, что он увидел, — паства хранит про себя соображения, явно попахивающие магией. Однако он смутился. Он был хотя и деревенским кюре, но необычайно образованным для человека столь скромной должности. Он страстно увлекался рассказами путешественников и нередко всхлипывал, сидя под лампой и читая о страданиях, пережитых его собратьями, отправившимися нести слово Божье в Америку. Но прежде всего он увлекался лекарственными и ароматическими растениями и каждый вечер писал своим красивым почерком семинариста заметки о сушке или лечебном использовании лекарственного сырья, на тему которого располагал впечатляющей коллекцией ценных гравюр и мудрых книг. И эта культура, возникшая оттого, что он был добр и любознателен, сделала его человеком, способным сомневаться, кто не хватался за требник при каждом необычном событии, но подходил к делу скорее с разумной опаской. Так вот по поводу процветания междугорья в последние ровно одиннадцать лет ему приходилось признать: оно было реальным, и даже более чем реальным — волшебным. Достаточно было пройтись по проселкам, чтобы заметить, как хороши деревья и глубоки пашни, заметить обилие насекомых, которые собирали взятки и опыляли, и вплоть до стремительно налетающих стрекоз, чьи вибрирующие плотные рои, невиданные в других местах, Мария разглядывала в летнем небе. Ибо сонм благодеяний, половодье янтарных плодов и обильных урожаев фокусировался на селении, его дорогах и близлежащих лесах и четко прекращался за невидимой чертой, более явственной для жителей этих мест, чем границы великих европейских договоров. В тот вечер им вспомнилось одно весеннее утро два года назад, когда все вышли на крыльцо и вскрикнули от удивления и восхищения при виде огромного ковра из фиалок, укрывшего поля и косогор своим невесомым разливом. Или же один рассвет охотного дня четырьмя годами раньше, когда мужчины, выйдя в шарфах грубой вязки и шапках-ушанках на мороз, с удивлением увидели, что улицы селения черны от зайцев, которые направлялись в лес. Такое произошло только раз, но что это было за происшествие! Мужчины последовали за зайцами до самого леса, никому и в голову не пришло подстрелить хоть одного по дороге! Потом косые бросились врассыпную, и началась нормальная охота. Но сначала они как будто продемонстрировали, как их много, а после все пошло своим чередом.

И потому кюре был смущен. Инстинктивно, как собака чует зверя, он ощущал, что Мария — это самая что ни на есть аномалия, никак не связанная с Богом. А та сокровенная часть его души, которая у человека церковного может выразиться только в описании целебных свойств настойки полыни или применения крапивы в виде мази, также улавливала связь между появлением на снегу новорожденной и удивительной благодатью, сошедшей на округу. Он посмотрел на девочку. Казалось, она дремала, но кюре почувствовал в ней осязаемую бдительность и понял, что она слышит и видит все, что делается вокруг нее, и что ее видимая отстраненность есть проявление одного из тех состояний, которые верующие переживают в самозабвении молитвы, когда дух отделяется от тела, запечатлевая при этом мир с удесятеренной зоркостью.

Он глубоко вздохнул.

— Есть здесь какая-то тайна, которую надо будет прояснить, — сказал он, поднимая стопку наливки, милосердной рукой поставленную рядом с недоеденной медовой грушей. — Малышка благословенна, и мы выясним почему.

И, твердо решив не упрекать этих славных людей, которым вздумалось видеть фантастических зверей, расстилающих туманы до самого Морванского плато, он также положил себе при случае поговорить с Марией. Его слова произвели именно тот эффект, на который он рассчитывал: все были, пожалуй, удовлетворены признанием наличия тайны со стороны духовного авторитета. Хотя сельчане любили накормить кюре до отвала, он тем не менее стоял особняком, слегка возвышаясь над своей паствой. К тому же всем понравилось, что их вдобавок обнадежили, что рано или поздно сообщат, и, возможно, даже лично от Господа Бога, в чем тут загвоздка. Все, таким образом, были, пожалуй, довольны заключением, которое кюре вывел из наблюдений, наконец-то высказанных вслух. Но никто не испытал настоящего глубокого удовлетворения, и кюре — первый: они просто взяли паузу в поисках отгадки, и можно было отдышаться и спокойно переждать, но каждый знал, что однажды придется войти в круг жизни, таящей много превратностей и сюрпризов. Истинная вера, как известно, чужда мелочным спорам, она верит в сговор тайн и перемалывает в своей прямодушной цельности соблазны всяческого сектантства.

Густаво
Голос смерти

В начале сентября, за два месяца до событий на французской ферме, Клара в сопровождении Пьетро прибыла в Рим.

Ей было невероятно жаль покидать горы, и эту боль не могла утолить даже роскошь дорожных пейзажей. Сколько девочка себя помнила, она всегда страдала, когда возвращалась в приходский дом, поэтому каждый раз, прежде чем толкнуть дверь кухни, проходила через сад. А поскольку этот уголок, засаженный чудными деревьями, был ей необходим как воздух, она боялась городских стен больше, чем любой другой напасти из страшных снов. На самом деле, очевидно, никто из людей не сумел до сих пор затронуть ее душу так, как горы, и потому снег и бури жили внутри ее сердца, равно открытого для счастья и злокозненных чар. И вот теперь, когда они ехали по городу, ее сердце обливалось кровью. Она видела не только землю, сдавшуюся под нагромождением камней, но еще и то, что сделали с самими камнями, которые вставали к небу ровными прямоугольными блоками и уже не дышали под навсегда изувечившим их гнетом. И потому в нарождающихся сумерках, когда выплескивался на улицу веселый люд, хмельной от возвращения теплых ветров, Клара видела лишь груду мертвых камней и кладбище, где добровольно хоронили себя живые.

Повозка двигалась к вершине холма, где навстречу попадалось меньше людей и где ей дышалось чуть лучше. Всю дорогу Пьетро заботился о том, чтобы ей было удобно, но не пытался разговорить девочку. И она молчала, как бывало всегда, ум ее был занят склонами, нотными станами и музыкальными фразами. Наконец они остановились перед большим зданием с коричневыми стенами, взмывавшими высоко за точеными пиниями, которые расчерчивали аллеи патио и застывшим фонтаном возвышались над каменной стеной. Вниз по стенам благоуханными трескучими побегами к булыжнику мостовой спадали плети жимолости, и окна выбрасывали в сумерки длинные прозрачные полотна кисеи. Их впустили в огромный вестибюль, где Пьетро оставил ее. Потом ее повели через гигантские комнаты, заполоненные картинами и скульптурами, — она смотрела на них с испугом, вскоре перешедшим в надежду, как будто она чувствовала, что все эти странности, возможно, утешат ее в тоске по горам. Наконец перед ней открыли дверь в комнату, белую и голую, с единственной картиной на стене, и оставили ее одну, сказав, что скоро приготовят ванну и подадут ужин, что, устав с дороги, все лягут пораньше и что утром за ней придут и отведут к Маэстро.

Она приблизилась к картине, испытывая странную сумятицу чувств, от почтения до опаски. «Я знаю вас, но не знаю откуда». Прошло довольно много времени. Потом в эфире комнаты что-то изменилось, и Клару охватил легкий транс, слои живописи дрогнули, теперь она видела картину не двухмерной, не плоской, но по-новому глубокой, так что перед ней открылась дверь в обитель грез. Клара уже не знала, спит она или бодрствует, а время летело со скоростью высоких облаков в чернильно-серебряной лазури. Видимо, она заснула, ибо сцена изменилась и она увидела женщину, которая смеялась в вечерней тишине летнего сада. Она не могла рассмотреть лицо, но та была явно молода и очень жизнерадостна — потом женщина пропала, и Клара видела лишь переливы колеблющихся чернил, пока не погрузилась в последний сон, лишенный видений.

— Мы пойдем к Маэстро, — сказал ей Пьетро назавтра. — Он человек непростой, но ты сыграешь для него, и этого будет достаточно.

Кабинет Густаво Аччиавати располагался на последнем этаже красивого жилого дома с высокими окнами, откуда в комнаты вливалось солнце, превращая паркет в озеро текучего света. Сидевший перед фортепиано человек казался одновременно очень молодым и очень старым, и, встретившись с ним взглядом, Клара вспомнила дерево, на которое забиралась, когда ей было грустно. Его корни ушли глубоко в землю, но ветви были сильны, как молодые побеги, оно бдительно охраняло и озаряло все вокруг и слушало ее так, что не надо было говорить. Клара могла по памяти описать форму каждого камня своих дорог и нарисовать все ветви своих деревьев, но человеческие лица проплывали мимо, как во сне, и растворялись в общей неразберихе. Однако этот человек, молча смотревший на нее, казался таким же рельефным и живым, как родные деревья, и в изумлении, которое почти причинило ей боль, Клара различала шероховатость его кожи и оттенки радужки глаз. Она неподвижно стояла перед ним. «Я вас знаю, но не знаю откуда». Осознание того, что он понимает, кто она такая, мгновенной вспышкой взорвало пространство разума и сразу погасло. Внезапно она заметила в углу комнаты съежившуюся на стуле фигуру. Взгляд привлекло какое-то движение, и ей показалось, что это мужчина, невысокий, с рыжими волосами и, насколько она могла судить, с небольшим брюшком. Он похрапывал, уронив голову на плечо. Но поскольку никто не обращал на него внимания, она тоже о нем забыла.

И тут Маэстро заговорил.

— Кто обучал тебя музыке? — спросил он.

— Алессандро, — ответила она.

— Он уверяет, что ты научилась сама, — возразил он. — Но никто не может научиться за один день. Тебе давал уроки кюре?

Она отрицательно покачала головой.

— Другой житель селения?

— Я не лгу, — сказала она.

— Лгут взрослые, — ответил он, — а дети им верят.

— Значит, и вы можете солгать, — сказала она.

— Ты знаешь, кто я?

— Маэстро.

— Что ты хочешь сыграть?

— Не знаю.

Он знаком велел ей сесть к инструменту, отрегулировал табурет, сам сел рядом и раскрыл ноты, стоявшие на пюпитре.

— Ну, играй, — сказал он, — играй же. Я буду переворачивать страницы.

Взгляд Клары быстро и жадно обвел раскрытые ноты — ресницы взмахнули раз, второй, третий, — и необъяснимое выражение прошло по лицу Маэстро. Потом она заиграла. Она играла так медлительно, с такой болью, с таким совершенством, что никто не мог говорить. Она доиграла до конца. Воцарилась тишина. Маэстро не знал никого из взрослых, кто сумел бы так исполнить эту прелюдию, потому что девочка играла с грустью и болью ребенка, но с значимостью и совершенством зрелого человека, тогда как никто из взрослых людей уже

не может достичь магии того, что молодо и зрело одновременно.

После долгого молчания Маэстро попросил ее уступить место и сыграл первую часть сонаты. В конце он ввел в нее крошечное изменение. Она, не мигая, смотрела куда-то в пустоту.

Маэстро попросил ее повторить то, что она слышала. Она согласилась. Он сходил за нотами. Она играла по написанному и не внесла изменение, но, дойдя до нужного такта, подняла голову и взглянула на него. Потом принесли множество других нот и разложили перед ней. Она открывала один сборник за другим, ресницы взлетали раз, второй, третий, и с каждым взмахом все умирало и возрождалось в лавине снежных хлопьев, вырвавшихся из забытого сна. Наконец все будто замерло в огромной дрожащей тишине. Один-единственный взмах, Клара вгляделась в страницы потрепанных нот в красной обложке и вздрогнула, словно перед внезапно разверзшейся пропастью. Она вновь села за фортепиано и сыграла русскую сонату; от этой музыки она ощутила головокружение, какое бывает на горных вершинах; и все поняли, что именно так, в ярости и покое, с жадностью и остервенением, должны жить и любить люди в мире, пронизанном красками земли и грозы, в мире, что голубеет на рассвете и хмурится под ливнем.

Шли минуты. «Я вас знаю, но не знаю откуда».

Раздался негромкий стук в дверь.

— Кто? — спросил Маэстро.

— Губернатор Сантанджело, — ответили ему.

Клара осталась в комнате наедине с низеньким рыжеволосым толстяком, который не сдвинулся с места и вроде бы не подавал признаков пробуждения. Ей принесли чаю и неизвестные плоды в оранжевой бархатистой кожуре и дали новые ноты, подчеркнув, что Маэстро велел сыграть лишь одну из пьес. Первая показалась ей богохульством, и она тут же закрыла ее, отшатнувшись от строк, напомнивших визгливые всхлипы органа на заупокойной мессе. Ни одна другая пьеса не произвела на нее столь мертвящего впечатления, но она открывала многие из них, не находя того, что потрясло ее в русской сонате и тогда, в Санто-Стефано, в первой пьесе, которую Сандро раскрыл перед ней в церкви. Наконец она дошла до тонкой тетрадки, первая страница которой завертелась в воздухе невиданными арабесками. Завитки мелодии взлетали в воздух, легкие как перышки, и фактурой напоминали бархатистую кожицу прекрасных плодов. До этого, когда она играла русскую сонату, там была роскошь деревьев с серебряными листьями, за ними вставали широкие сухие степи, пересеченные реками. А в самом конце у нее перед глазами возник ветер, несущийся по пшеничному полю, его порывы вдавливали стебли в землю, и они снова возрождались, поднимаясь со звериным воем. Но эта новая музыка вводила в формулу пейзажей какую-то приветливость, проблескивающую в них, как в рассказах Алессандро, и она чувствовала, что для такой легкости нужны глубокие корни, и спрашивала себя, узнает ли она когда-нибудь радостные застолья края, где эта приветливость родилась. По крайней мере, теперь она знала, что бывают страны, где красота рождается из ласки, тогда как ей самой знакомы были лишь упорство и героизм, и ей это нравилось, и она узнавала вкус незнакомого плода, знакомясь с музыкой, рассказывавшей о его почве. Доиграв отрывок, она еще минуту мечтала о неведомых землях и неожиданно заулыбалась в своем полуденном

одиночестве.

В такой светозарной мечтательности прошел час, когда из соседней комнаты до нее донеслись приглушенные звуки.

Среди возбужденных голосов она узнала голос Маэстро, который провожал какого-то посетителя, потом услышала незнакомый голос и, хотя слов было не разобрать, встала с бьющимся сердцем, ибо то был голос смерти, бросавший угрозы, которые в ее ушах звенели набатом. И с какой бы стороны она ни смотрела на эту картину хаоса, она леденела от страха, видя зловещую тень на бескрайнем пространстве ужаса и беспорядка. Наконец, голос казался в два раза страшнее оттого, что был прекрасен, и эта красота шла от древней силы, теперь устремившейся в иное русло.

«Я вас знаю, но не знаю откуда».

— Надо признать, руки у тебя ловкие, — послышалось сзади.

Рыжий поднялся, похоже не без труда, потому что спотыкался на ходу, неуверенно проводя рукой по волосам. У него было круглое лицо, двойной подбородок, придававший ему вид ребенка, и живые блестящие глаза, которые сейчас немного косили.

— Меня зовут Петрус, — сказал он, склонившись перед ней и тут же растянувшись на паркете.

Клара изумленно смотрела на него, а он с трудом поднялся и тут же повторил свое приветствие.

— Маэстро не сахар, но этот — исчадие ада, — сказал он.

Клара поняла, что он говорит про голос смерти.

— Ты знаешь Губернатора? — спросила она.

— Губернатора знают все, — растерянно ответил он. И, улыбнувшись, добавил: — К сожалению, я в малопрезентабельном виде. Мы же не очень переносим спиртное, все дело в конституции. Но москато[4] за ужином было божественное.

— Ты кто? — спросила она.

— Ах, правда, — сказал он, — нас не представили. — И он поклонился в третий раз. — Петрус, слуга покорный, — сказал он. — Я у Маэстро вроде как секретарь. Но с сегодняшнего утра я главным образом твоя дуэнья. Согласен, похмелье не лучшее состояние для знакомства. Но я постараюсь сделаться приятным, тем более что ты правда хорошо играешь.

Так текли первые дни в Риме. Клара не забыла голоса смерти, хотя работали они с Маэстро без передышки и не заботясь о том, что происходит снаружи. Аччиавати велел, чтобы она приходила рано утром в пустой кабинет, чтобы не прознали про вундеркинда, которого он взял себе в ученики.

— Рим любит монстров, — сказал он ей, — а я не хочу, чтоб он сделал монстром тебя.

Каждое утро на рассвете Петрус забирал ее из дому и вел по безмолвным улицам, а затем возвращался на виллу Вольпе, туда она возращалась к обеду.

После чего оставлял ее в зале у патио, где было фортепиано для занятий. Там она работала до ужина, во время которого компанию ей составляли Петрус и Пьетро. Иногда после ужина к ним присоединялся Маэстро, и они снова работали до темноты. Клару удивляла терпимость, с которой Аччиавати и Пьетро относились к Петрусу. Они дружески

привечали его и не обращали внимания на странности его поведения. А ведь он не слишком старался держать себя в руках; приходя будить ее по утрам, он дышал перегаром, волосы были всклокочены, глаза мутные. Кларе казалось, что москато первого дня вошел в привычку, потому что ноги Петруса постоянно заплетались, во время занятий он заваливался в кресло и спал, изредка пуская слюну, а порой рычал что-то нечленораздельное. Проснувшись, он с трудом понимал, где находится. Затем Петрус пытался восстановить миропорядок, решительно обдергивая куртку или панталоны, но существенных результатов, как правило, не добивался и в конце концов уныло капитулировал. Наконец, если он вспоминал о существовании Клары и решался заговорить, это давалось ему не сразу, ибо в исторгаемых им звуках отсутствовали гласные. И все равно она любила его, хотя и не совсем понимала, зачем он при ней состоит, но новая жизнь пианистки целиком поглощала ее энергию, так что на прочие аспекты римской жизни мало что оставалось.

Уроки с Маэстро не походили ни на что, что она могла бы себе представить. Бóльшую часть времени он с ней разговаривал. Когда он ставил перед ней новые ноты, то никогда не говорил, как нужно играть. Но потом задавал вопросы, на которые она всегда знала, что ответить, потому что его интересовало не то, что она подумала, а что увидела. Поскольку она сказала, что русская соната вызвала в ней образы сухих степей и серебряных рек, он заговорил с ней о северных степях и бескрайних странах ракит и льдов.

— Но мощь такого великана под стать его же неторопливости: именно поэтому ты играла так медленно.

Он расспрашивал ее про родное селение, и она описывала черепичные крыши, вершины гор, каждый уступ и каждый пик которых знала наизусть. Она так полюбила часы, проведенные с Маэстро, что в начале ноября, через два месяца после приезда в Рим, тоска по утраченным горам уже не казалась ей невыносимой. Впрочем, Маэстро особой привязанности к ней не выказывал, и ей казалось, что цель его расспросов — не обучение, а подготовка к чему-то, что ведомо лишь ему. Периодически у нее возникало ощущение, что он знал ее прежде, хотя они встретились только в сентябре.

Однажды, когда они разбирали жутко скучное произведение, и она, не сдержавшись, без причины ускорила темп, он раздраженно заметил:

— Опять ты за старое.

Она спросила название плодов того первого дня и сказала ему:

— Лучше дал бы мне персиков.

Он посмотрел на нее с еще большим раздражением, но положил перед ней ноты со словами:

— К своему несчастью, человек этот был немец, но все же он разбирался в персиках.

Играя и снова улавливая летучие завитки удовольствия, Клара пыталась понять, что она угадала за раздражением Маэстро, — то был порыв, обращенный к кому-то, чей смутный силуэт недолго витал в воздухе. И хотя последующие дни походили на предыдущие, они несли на себе новую печать — переклички с призраком.

Очень часто Маэстро приходил в дом Пьетро после ужина. Фортепиано стояло в большой комнате, выходившей в патио, и, работая, они оставляли окна распахнутыми в прохладный вечерний воздух. Пьетро слушал их, покуривая и попивая наливку, но до конца урока не заговаривал. Петрус, как всегда, дремал в большом покойном кресле, пока не

смолкнет фортепиано и его не разбудит наступившая тишина. Потом Клара читала или мечтала под их разговоры, потом ее отводили в спальню, а сами продолжали рассуждать о чем-то в ночи, и еще долго отзвуки их голосов, перелетая спящее патио, баюкали ее сон. И вот однажды вечером, ближе к середине ноября, когда окна не открывали, потому что лил сильный дождь, Клара слушала, как они беседуют, листала ноты, которые принесли для занятий, и услышала, как Аччиавати сказал: «Да найдем ли мы когда-нибудь правильный темп?» Она раскрыла какой-то старый потрепанный сборник.

Черными чернилами на полях возле первых нотных станов были написаны строки:

> la lepre e il cinghiale vegliano su di voi quando
> camminate sotto gli alberi
> i vostri padri attraversano il ponte per abbracciarvi
> quando dormite[5]

Мгновение протекло в огромном вакууме чувств, и на глазах у Клары пузырь тишины стал шириться со скоростью волны, прежде чем взорваться в безмолвном апофеозе. Она перечитала стихотворение, взрыва больше не произошло, но что-то изменилось, как будто пространство раздвоилось и она перешла невидимую границу той страны, куда стремилась попасть. Хотя она и подозревала, что пьеса совсем не имеет отношения к этому волшебству, но все же прошла к фортепиано и сыграла отрывок. В воздухе распространился запах ручьев и мокрой земли и загадка качающихся деревьев и потаенных чувств.

Подняв глаза, когда отзвучала последняя нота, она увидела перед собой мужчину и не узнала его.

— Откуда взялась эта музыка? — спросил у нее Маэстро.

Она указала на стопку нот, принесенных по его распоряжению.

— Почему ты сыграла ее?

— Я прочла стихотворение, — сказала она.

Он обошел фортепиано и глянул ей через плечо.

Она ощутила дуновение дыхания и волны смешанных чувств. Увидев Маэстро при внезапной вспышке, которой удивление высветило его эмоции, она поразилась образам, скользившим, словно на экране. Сначала табун диких лошадей — топот их копыт она слышала еще долго после того, как они скрылись вдали. Потом, в тени подлеска, с аллеями, золотыми от солнечных бликов, она увидела лежащий во мху большой камень. Его выступы и впадины, все его благородные трещины были рождены совместным трудом ливней и столетий. И она знала, что этот прекрасный живой камень — сам Маэстро, потому что человек и валун в необъяснимой алхимии идеально накладывались друг на друга. Наконец образы растаяли, и она снова оказалась перед человеком из плоти и крови, серьезно смотревшим на нее.

— Ты знаешь, что такое война? — спросил он. — Да, конечно, ты знаешь… Увы, надвигается война, еще более долгая и страшная, чем прошлые войны, задуманная людьми еще более сильными и страшными, чем в прошлом.

— Губернатор, — сказала Клара.

— Губернатор, — сказал он, — и еще другие.

— Это дьявол? — спросила она.

— В некотором роде — да, — ответил он, — можно сказать, что это дьявол, но здесь главное не имя.

О дьяволе девочка-сирота, воспитанная в деревенском приходском доме, уже слышала, и не было человека на всех Апеннинах, который не знал бы про битвы, которые с ним вели, и не осенял бы себя крестом, поминая тех, кто в них пал. Но помимо рассказов своего детства, Кларе казалось, что она понимает, откуда идет желание воевать с дьяволом. То, что люди жили в склепах, выстроенных тесными рядами, казалось ей достаточным, чтобы объяснить происки голоса смерти, и она спрашивала себя, думает ли живой камень — Маэстро — так же, как она.

— Войны разворачиваются на полях сражений, но замышляются они в кабинетах правителей, что поднаторели в манипуляции вымыслами. Однако бывают другие места и другие вымыслы… Я хочу, чтобы ты рассказала мне о том, что ты видишь и слышишь, о прочитанных стихах и об увиденных снах.

— Даже если не знаю зачем? — спросила она.

— Надо доверять музыке и поэзии, — ответил он.

— Кто написал стихотворение? — спросила она снова.

— Член нашего союза.

Потом, после долгого молчания, добавил:

— Я только могу сказать, что оно предназначено тебе. Но я не думал, что ты сможешь прочесть его так рано.

В ту же минуту Клара увидела, что Пьетро ищет стихотворение на нотной странице, и по тому, как он смотрел на ноты, поняла, что он его не нашел. И стоявший напротив Густаво Аччиавати улыбнулся.

Вскоре Петрус отвел ее в спальню, где были закрыты все окна, потому ливень продолжал упорно грохотать снаружи.

— Не дают мне делать свое дело, — сказал он ей при расставании.

— Твое дело? — спросила она.

— Мое дело, — сказал Петрус. — Они все такие серьезные и холодные. Меня взяли, потому что я сентиментален и болтлив. Только они весь день заставляют тебя играть, а вечерами грузят всякими войнами да коалициями. — Он изящно поскреб в затылке. — Я слаб до выпивки и, может быть, не слишком умен. Но я хотя бы умею рассказать историю.

Он ушел, а она заснула, или, по крайней мере, ей так казалось, и в беззаботном свечении стен и прорезей в ставнях услышала, как Пьетро на той стороне патио говорит:

— Малышка права, это дьявол.

И голос Маэстро ответил ему:

— Но кто совратил самого дьявола?

И она провалилась в сон по-настоящему.

То была странная ночь и странный сон. Сновидения обладали неведомой доселе четкостью и оттого казались провидческими озарениями, а не химерами ночи. Мария охватывала взглядом пейзажи, как озирают местность, лежащую впереди, и поняла, что видит дороги незнакомого ей края, словно выискивая спуск по тропинкам склонов. Гор

видно не было, но этот край обладал каким-то пронзительным обаянием, она ощущала силу его благодатной почвы и радовалась изобилию деревьев. И хотя прелестью они не могли сравниться с персиками, но обладали той гибкостью, что неведома в горах, в итоге рождая гармонию, до глубины души трогавшую Клару, — наделенной естественной жизненной силой, требовательностью, под которой пряталась улыбка, так что за два месяца она увидела весь спектр, прекрасные пахотные земли, бархатистые персики, сулящие наслаждение, а на противоположном полюсе — суровые, гордо вздымающиеся горы. Более того, любуясь рустовкой каменных оград, она прочувствовала ту неброскую, но мощную красоту, что затмевает благостное довольство тучных земель и превращает пейзажи с могучими деревьями и тенистыми тропами в увлекательную историю, полную листвы и любви. Она увидела деревню, стоящую на склоне холма с церковью и домами, чьи массивные стены говорили о суровости зим. Однако чувствовалось, что с весной сюда приходит ясная погода и стоит до осенних заморозков, и то ли из-за отсутствия гор, то ли от обилия деревьев, но ясно было, что здесь у людей обязательно найдется час отдохнуть от трудов. Наконец, она замечала скользящие тени, не различая ни фигур, ни лиц; и они в безразличии проходили мимо, хотя ей так хотелось спросить, что это за селение и что за плоды висят в его садах.

И вдруг — словно вспышка. Она не знала ни откуда та возникла, ни куда ушла, но видела, как та пронеслась и скрылась за поворотом дороги. Как бы мимолетно ни было ее появление, каждая черта запечатлелась в ней с болезненной четкостью, снова воскрешавшей перед глазами это лицо с темными зрачками, худыми породистыми чертами и тугой золотистой кожей, где рот алел кровавым пятном. Она стала искать ее след и обнаружила девочку на опушке высокого леса, по которой ступал высокий серый конь. Вся панорама вспыхнула светом, и на оледеневший лес наслоился туманный горный пейзаж. Они не вклинивались друг в друга, а смыкались, как облака: она увидела панорамы, которые свивались друг с другом, туда же еще вплетались погоды, и солнце светило, и шел снег под молнией, прочертившей след поверх безоблачного неба. И тогда на сцену пал смерч. В мгновенном озарении, стянувшем в узел поступки и времена, Кларе явились гигантские извивы бури, злые вихри и черные стрелы, яростно взлетающие к небу, в то время как крошечная старушка потрясала палкой, воздетой над всклокоченной головой. На границе сна и яви она успела увидеть другую сцену, в которой девочка ужинала в компании шестерых взрослых, окружавших ее ласковым и мирным ореолом, и в нем она впервые в жизни увидела материальное воплощение любви. Наконец все исчезло, и Клара очнулась в тишине темной комнаты. Наутро она рассказала Маэстро о том, что ей привиделось во сне. В конце рассказа она добавила имя маленькой незнакомки, потому что оно явилось в озарении и очевидности.

Густаво Аччиавати улыбнулся ей во второй раз.

На этот раз его улыбка была грустной.

— У каждой войны — свои предатели, — сказал он ей. — Со вчерашнего дня Мария в опасности.

Вилла Аччиавати
Малый эльфийский совет

— Кто предатель? — спросил Маэстро.

— Не знаю, — сказал Глава Совета Туманов. — Мы уже не уверены в половине собрания. Это может быть любой из десяти. Я не почувствовал хвоста, и следы были быстро уничтожены.

— Я не видел за тобой хвоста. Ведь есть и другой мост, и другой храм, — сказал Страж Храма. — Нужно усилить защиту Марии.

— Нет, — сказал Маэстро, — ей нужно наращивать силы, а Клара должна упрочить их связь.

— Мы совершенно не представляем, как действовать, но при этом делаем из девочек солдат.

— Уж точно можно сказать, — произнес Петрус, — что вы не даете им наиграться в куклы, да и вообще не слишком помогаете.

— Ты написал стих сразу после смерти Терезы, — сказал Маэстро Стражу Храма, — а она нашла его сегодня. Я пошлю ее Марии.

— То стих, то музыка, что и говорить — куча объяснений, — сказал Петрус. — Как им понять, кто такие эти заяц и вепрь?

— Мария видела меня в день своего десятилетия, — сказал Страж Храма, — вепрь будет говорить с ней. Вокруг нее люди алмазной огранки. Они превосходят наши надежды.

— А что вы думаете о людях Клары? — спросил Петрус. — Ни друзей, ни семьи, ни матери. Суровый профессор с его загадочными фразами и непомерная работа. А ведь Клара в вашей команде юных воительниц — настоящий мастер. Надо беречь ее сердце и чувства, а это невозможно, когда ее тренируют, как новобранца.

— В жизни Клары должна быть женщина, — сказал Глава Совета Туманов.

— Они встретятся, если Пьетро убедится в ее безопасности, — сказал Маэстро. Потом, помолчав, добавил, обращаясь к Стражу Храма: — Ты слышал, как она играет… да, я знаю, она твоя дочь, и ты слышал ее прежде меня… какая мука… и какое чудо…

Мария
Заяц и вепрь

После волнений из-за серого коня и налетевших вихрей жизнь на ферме вернулась в свой деревенский ритм, с его охотами, рассольным сыром и походами в лес. Теперь, когда факт хорошей погоды был подтвержден и фермами, и амвоном и колокольней, можно было спокойней на него рассчитывать, и, глядя на мягкий снег, который в ту зиму выпал именно тогда, когда люди вспомнили про заготовку дров, радуясь череде рассветов, хрустких, как хлебная корочка, озарявших небо розовыми полосами, прозрачными, как любовь, коптя и засаливая куски дичи, которая словно не иссякала, — глядя на все это, люди непременно качали головой или переглядывались и, особо не комментируя, возвращались к начатому делу.

По поводу охоты отец однажды вечером сделал замечание, от которого у Марии настороженно поднялась бровь. Ужинали салом и печеной свеклой, приправленной ложкой сметаны и крупной солью.

— Дичь обильна, но лишнего не бьют, — сказал он.

Мария улыбнулась и уткнулась носом в дымящуюся свеклу. Андре Фор был человек крестьянского склада, суровый и немногословный, ступал тяжело и никогда не спешил. В колке дров его мог обогнать любой житель селения, но поскольку упорство вкупе с размеренностью давали результат еще более замечательный, чем проворство, то именно отца Марии вдовы просили заготовить дрова на своих делянках: деньги он запрашивал скромные, хотя они готовы были заплатить впятеро больше.

Того же ритма он придерживался во всех прочих делах, в том числе и интимного свойства. Он не выказывал особого горя в испытаниях и утратах, хотя они были ужасны, ибо у них с женой двое сыновей умерли в младенчестве. Но боль оставалась мучительной дольше обычного. К счастью, так же было и с радостями, и Мария стала его благословением в зрелые годы, хотя эта любовь никогда не выражалась вспышками, в каких-то наружных проявлениях. Напротив, он распределял ее равномерно, как прополку сада или вспашку поля, без суеты и остановок, и потому наслаждался ею как даром, равно озарявшим годы его жизни. Точно так же при разговоре он старался, чтобы слова не нарушали равновесия чувств, а ненавязчиво отражали их очертания. Все это Мария знала и потому ответила одной лишь улыбкой на замечание отца, мелькнувшее над ужином, как стая юных дроздов.

Купить полную версию книги

---

notes

Сноски

1

Буду хранить всегда *(исп.)*.

2

Сандро, не подумать ли тебе о вине? *(ит.)*

3

Блаженны сироты *(лат.)*.

4

Москато — сорт игристого итальянского вина (Пьемонт).

5

Заяц и вепрь сторожат вас когда вы идете под деревьями
Отцы ваши переходят мост чтобы поцеловать вас во сне

(ит.).